

Сов. Россия, 1985, 15 нояб. №263.
Вячеслав Шугаев — ОТКРЫТИЕ КНИГИ

Уроки Аксакова

УРОКИ КНИГИ Сергея Тимофеевича Аксакова «Детские годы Багрова-внука» можно назвать уроками сердца. Все, что роднит людей, в этой повести подмечено с особой искренностью, простотой и любовью. Мальчик Сережа открывает для себя радости семьи и радости мира — стихию весеннего половодья, буйную роскошь башкирской летней степи, зимние катания на тройках... Сколько этих душевных отсветов останется в памяти мальчика, чтобы через годы согреть его своим духовным теплом. А углубляясь в «Детские годы Багрова-внука», мы все более понимаем, что и слезы, и необычайная сердечная отзывчивость героев покоятся на несообразностях душевного развития, на отклонениях от гармонии, если под нею подразумевать здесь обостренную совесть, обостренное внимание человека к человеку, обостренное чувство нравственного равновесия в мире семейного и житейского.

Скажем, излишняя впечатлительность и порывистость Сережи все время сталкиваются с материнскими запретами; и в пылу увлеченности тем или иным желанием Сережа все время переступает запреты. Они вроде бы незначительны, имеют семейно-бытовую окраску, но в книге постепенно накапливаются силу принципа: ни одно отклонение от гармонии нельзя не заметить, не выстрадать его.

Именно так надо направлять работу сердца на создание благородного, отзывчивого характера.

И вот улавливание малейшего нравственного колебания, малейшего нравственного смущения, раздвоющегося в отношениях между близкими людьми, немедленный отклик на взгляд, вздох матери и отца — все это делает сердце мальчика Сережи Багрова удивительно зорким. Он видит им и переживает не только родную природу, не только радости и горести в жизни семьи, но из своих младенческих владений он старается разглядеть взрослое будущее, из своей чувствительности выводит контуры своего мужания. Исключительно при помощи чувствительного сердца появлялись эти милые русские совестливые люди! Из неустанной виноватости, душевного сочувствия и сострадания, из понимания бед, огорчений не только собственных, но особенно неистощимого желания разделить тяготы другого, помочь их одолеть — вот откуда берутся беззаветные сердца, так украшающие Отчизну, — говорит нам Аксаков. Думаю, в этом суть книги, ее главный духовный узел. Традиция изображения сострадательного, чуткого сердца была устойчивой в русской литературе.

Вспомним хотя бы «Детство, отрочество, юность» или вспомним «Кроткую», «Белые ночи», «Былое и думы», вспомним и приобщимся к видению обнаженного сердца, которым русские писатели сознательно наткнулись на житейские шипы и драмы, чтобы истерзанное сердце исторгало сострадание. Неутихающая боль за несовершенство человека, возмущение этой болью, обжигающая искренность, пытающаяся все примирить и объять нежность — столько спрессовано, пружинно сжато в литературе чувствительного сердца, что уместно здесь сказать: каждая ее страница затягивает в силовое поле сострадания, в эту самую спираль сострадания, источающую небывалую нравственную энергию.

В наши дни спираль сострадания, пожалуй, не столь энергоемка, не столь чувствительно напряжены ее витки, но она есть, как есть и литература, продолжающая аксаковскую традицию, правда, несколько поредевшая.

В «Голубой чашке» Гайдара путешествуют отец с дочерью, странствуют по полям и лугам, и мы, читатели, догадываемся, что странствие это скорее всего происходит накануне семейного краха — Маруся, жена и мать, что-то очень хорошо относится к заезжему летчику. Девочка из «Голубой чашки» чувствует, как покачнулся мир, как грустно в нем стало, но чувство ее написано в эгегических тонах, не с тою, разумеется, остротой и обнаженностью сердечной, с какой воспринимал семейные бури Сережа Багров, и потому, может быть, эгегическую окрашенность мира в «Голубой чашке» воспринимаешь с некоторым недоверием — детское сердце все же расположено не к элегии, а к лирическому буйству.

Любой житейский сквозняк немедленно аннобит Шурку из смирновского «Открытия мира», загуманиваются, часто печалятся ясные глаза Дюшки из тендряковских «Весенних перевертышей». Дюшка очень раним, но не в том смысле, что по любому поводу хнычет или отчаивается, нет, он остро понимает боль другого, даже незнакомого человека и обязательно старается защитить его, уменьшить его боль — опять и опять мы встречаем проявление, пусть малое, великой спирали сострадания, так трепетно напряженной русской классикой.

ВСПОМНИМ И «Последний поклон» Астафьева. Мальчик Витя часто страдает из-за своего чувствительного сердца, часто мается, что обманул бабушку, что не пожалел толком мать. Может быть, в «Последнем поклоне» наиболее зримы уроки Аксакова. Не буквально, разумеется, что, прочитав «Багрова-внука», Астафьев решил сделать свое сочинение по его образу и подобию, нет, конечно. Но по чуткому, отзывчивому сердцу Витя — близкий товарищ Сереже Багрову. Витя недоумевает: почему взрослые так мучают друг друга, творят столько несправедливости — еще не знает мальчик, сколь несовершенна человеческая натура, не знает, но все равно уже пытается как-то рассудить взрослых, пытается простить их и пожалеть: как замечательно, что маленькое чувствительное сердце учит нас быть щедрыми на добро и нежность!

В последние годы, к сожалению, такого рода литература почему-то несколько ступившая — почти не видать ее и почти не слышать. Обозначился совершенно иной поворот в изображении детского сердца. Каким-то пресыщенным оно стало, под стать неумеренно сытому, какому-то умильно-благоговейному житию, которое мы создали для наших детей. Мы не надеемся над ними: «Кушай, мальчик, как следует, чтобы печки розовые были! А вот тебе новый костюмчик, вот те-

бе новая игрушка, сломается — другую купи». Усугубляем эту розовость мы и создаем удивительной брони, охраняющей детей от огорчений, нелегких и грустных событий взрослого мира. Мы говорим: мальчику еще рано это знать, это еще не его ума дело, и нам поддакивают воспитатели и педагоги. «Выкопанная» нами броня постепенно превращает детское сердце в кусок льда.

Дети наши все более наполняются ироничностью к нам, к делам, которыми мы заняты, к нашей манере говорить, одеваться — в сущности, разрешенная нами самими ироничность. Мы вкусно их кормили и поили, дорого обували и одежали, упиваясь возможностью, что мы можем себе это позволить, и надеясь на ответную благодарность — ведь мы так старались... Но сердце их не воспитывали и не заметили, когда оно стало обрастать жирком сытости и снисходительного самодовольства. Ни жалости к нам, ни сострадания к нашим ошибкам и слабостям.

Конечно, современному отроку необходимо идти в ногу с прогрессом, знать счетную технику, основы хозяйствования, но прежде всего надо научиться жалеть мать, бабушку за нелегкость будничной круговерти, школьного товарища за нелепость и нескладность натуры, и так вот, постепенно, готовить сердце к сочувствию государственным заботам и проблемам.

Увы, никакие компьютеры, никакая счетная техника не приучат маленького человека любить Родину, если мы не будем воспитывать это благородное чувство. А воспитывать можно только приобщением к страданию, к серьезным и сложным проявлениям семейной ли, общественной ли жизни, чтобы маленький человек понимал, какая ноша ответственности его ждет. И тогда ему будет не до иронично скользких отношений, не до сытой снисходительности к заботам и тревогам родителей, если и он станет участником этих тревог.

НЕ НАДО бояться подвергать детей эмоциональным перегрузкам и дома, и в школе: например, со взрослой серьезностью приобщать их к хозяйственным, государственным и семейным проблемам. Было же так в первые годы после революции — любой острый гражданский и политический вопрос любого значения обсуждался на общешкольных собраниях, обсуждался со страстной заинтересованностью — надо возвращать эту жажду открытости, искренности, возвращать желание помочь взрослым. Как часто мы сами отказываемся от помощи детей: ладно, мол, побудьте еще в счастливом детстве, в счастливой юности, т. е. без проблем и раздумий, и совершаем, таким образом, большую ошибку.

Эту же ошибку делает и литература, часто избирая предметом изображения ненормальность семейных отношений, наличие вроде бы обязательного драматизма между отцами и детьми, но ведь есть же в жизни трепетное взаимопонимание сына и матери, брата и сестрицы, как говорил Аксаков, — есть между ними высокая сердечность — почему мы не показываем ее? Почему редко показываем прекрасные семьи и прекрасных детей, обладающих чувствительными сердцами? Ах, как они стеснительно и радостно краснеют, когда мы внимательны и дружелюбны к ним, и как они бывают задумчивы и грустны, если мы обращаемся с ними на бегу, вскользь, без должного такта и мысли!

Недавно прочитал повесть А. Лиханова «Последние холода» о прошедшей войне, об эвакуированных мальчиках и девочках из Москвы и Ленинграда, поселившихся в наших провинциальных городах, которые запомнились новоселам на всю жизнь либо добротой жителей, либо бездушием и черствостью. Герой повести — мальчик, пожалевший однажды голодных эвакуированных — брата и сестру. Он приводит их к себе домой, где тоже нечего есть, где тоже дистрофические обмороки бывают, но мальчик их приводит, потому что у него чувствительное сердце. Мать и бабушка учили его, что бессовестно видеть человеческое страдание и не откликнуться на него. Мальчик видит, как мать и бабушка вздрогнули при появлении голодных гостей, как помрачнели, ибо делиться почти ничем — мальчик застывшими глазами следит за ними: неужели мать и бабушка откажут, неужели не откликнутся, ведь сами же учили! Женщины понимают: вот миг, могущий на всю жизнь разбить сердце мальчика, поэтому, даже если придется умереть с голода, нельзя отказать этим эвакуированным. Здесь чувствительное сердце одерживает над синдромом сытости замечательную победу, которая позволяет мальчику запомнить на всю жизнь: мы — люди и должны помогать выкарабкиваться друг другу из горя и несчастий — в этом смысл нашего пребывания на земле.

Читал недавно новый рассказ Бориса Екимова «Мальчик на велосипеде» и очень порадовался. В рассказе братец и сестрица, говоря аксаковским языком, живут вдвоем, потому что мать положили в больницу. Братец отвечает теперь за свою сестрицу, заботится о ней и, утешая, рассказывает ей, какая у них славная и добрая мать, мечтает, когда она выздоровеет. Вообще он деятельный мечтатель: смастерил себе самодельные крылья и хочет взлететь, разогнавшись, с горы на велосипеде. Рассказ и кончается эпизодом, когда он пробует взлететь... И такой сердечностью веет от рассказа, что опять чувствуешь, как источает энергию спираль душевного соучастия, сострадания.

...И говоря уже о главном уроке Аксакова, о главном его завете, открытии, мы, видимо, должны признать, что он в своей прекрасной книге показал, как можно вырастить доброго, отзывчивого человека, и, видимо, нашей современной литературе необходимо вернуться к этому аксаковскому уроку. Необходимо щедро возродить добрую старинную тему, чтобы в теперешнем литературном процессе она занимала существенное место. Без благородной, доброй, чуткой души не может быть настоящего гражданина, которому предстоит служить Отечеству в третьем тысячелетии. Эта мысль особенно пронзительно возникает, когда мы обдумываем тезисы о воспитании, четко сформулированные в новой редакции Программы КПСС.

240